

УДК 304.5

В.И. ЛЕНИН И ЛЮДИ: ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор
ФГАОУ «УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина»
главный научный сотрудник
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»

Аннотация: Во второй эмиграции В.И. Ленин мыслями был в России и впивался в свежих эмигрантов. Он любил людей страстно - так любил он Г.В. Плеханова. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов и те, с кем он начинал революционное и партийное движение. Очень тяжело давалась борьба с А.А. Богдановым и махистами, готовилась книга «Материализм и эмпириокритицизм». Возникла острая необходимость отделить не личное от общественного, но философские расхождения и драку по ним от работы фракции в печатном органе партии. Трудности В.И. Ленина были в том, что он один против всех и страшно одинок, но находясь в одиночестве он любил и почитал своих противников. Личная привязанность и политическая позиция постоянно были в остром противоречии, а личная привязанность к людям делала для расколы невероятно тяжёлыми. Мерки зарубежных филистеров и двоедушных буржуа были неприменимы к вождю. Он хотел власти для рабочего класса, и эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Ключевые слова: вторая эмиграция, любил людей, раскол, партийное движение, борьба, личное, общественное, философские расхождения, работа фракции, одиночество, противники, личная привязанность, политическая позиция, филистер, рабочий класс.

V.I. LENIN AND THE PEOPLE: PERSONAL AND PUBLIC

Nekrasov Stanislav Nikolayevich

Abstract. In the second emigration, V.I. Lenin was in Russia with his thoughts and dug into fresh emigrants. He loved people passionately - he loved G.V. Plekhanov so much. And after the split, he listened attentively to what Plekhanov and those with whom he started the revolutionary and party movement said. The struggle with A.A. Bogdanov and the Machists was very difficult, the book "Materialism and Empirio-criticism" was being prepared. There was an urgent need to separate not the personal from the public, but the philosophical differences and the fight over them from the work of the faction in the party's press. Difficulties of V.I. Lenin was convinced that he was alone against everyone and terribly lonely, but being alone he loved and revered his opponents. Personal affection and political position were constantly in sharp conflict, and personal affection for people made splits incredibly difficult for them. The standards of foreign philistines and double-minded bourgeois were inapplicable to the leader. He wanted power for the working class, and this basic idea left its mark on all of Vladimir Ilyich's activities.

Keywords: second emigration, loved people, split, party movement, struggle, personal, social, philosophical differences, faction work, loneliness, opponents, personal attachment, political position, philistine, working class.

Во второй эмиграции В.И. Ленин не столько интересовался рабочим движением за рубежом, сколько таковое уже сформировалось в России в ходе первой русской революции, сколько партия фран-

цузских рабочих, которая была вся изъедена оппортунизмом. Н.К. Крупская пишет: «Живя мыслью в России, Ильич в то же время внимательно изучал и французское рабочее движение. Французская социалистическая партия была в то время насквозь оппортунистической» [1, с. 167]. Однако всеми мыслями он был в России и буквально впивался в свежих эмигрантов, которых следовало принять, подготовить и отправить на Родину. Интересна встреча с Камо: «Камо попросил меня купить ему миндалю. Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине, и рассказывал об аресте в Берлине, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воробье, с которым он возился в тюрьме. Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно-смелого человека, детски-наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться. Его проекты работы были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо на землю, говорил о необходимости организовать транспорт и т. п. В конце концов было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг, потом на Кавказ.

Осматривая пальто Камо, Ильич спросил: „А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?“ Сам Ильич, когда ездил на пароходах, неустанно ходил по палубе взад и вперед. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который Ильичу особенно нравился. Разговор с Ильичом, ласка Ильича немного успокоили Камо» [2, с. 165].

Ленин здесь показан в его естественном жизненном порыве, а значит в жизненном потоке. Он любил наблюдать жизнь и вмешиваться в нее: «Уметь наблюдать жизнь, людскую жизнь, в её многогранности, и её своеобразных проявлениях, находить в ней созвучные своим переживаниям ноты — разве это не значит наслаждаться жизнью, разве это может уметь аскет?»

Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом; всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортунистом». Даже в 1914 г., когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймёт?» — говорил Владимир Ильич. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды Владимир Ильич сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П.Н. [Лепешинский] не уловил. Никогда Владимир Ильич не противопоставлял себя Плеханову.

Молодые товарищи, изучая историю партии, вероятно, не отдадут себе отчёта, что такое был раскол с меньшевиками» [1, с. 460-461].

Очень тяжело давалась борьба с А.А. Богдановым. Шла серьезная подготовка к написанию одной книги, которая сумела бы не отдельными статьями, а сразу разделаться с метафизикой и мистицизмом в рядах партии. А.И. Володин в книге «Бой абсолютно неизбежен. Историко-философские очерки о книге В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"» пишет о сложности этой титанической работы: «Достаточно сказать, что если в 1947 году в примечаниях к 14-му тому 4-го издания Сочинений В.И. Ленина отмечалось 26 фактов в хронологической канве его работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом», то в 18-м томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина таких фактов указано уже 62, а во втором томе издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (М., 1971) помещено около 90 справок, раскрывающих творческую судьбу этой книги Ленина» [3, с. 5].

В письме М. Горькому 24 марта 1908 г. он писал: «Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их - нелепая, вредная, филистерская, поповская вся, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов всецело прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего

запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему.

Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой абсолютно неизбежен» [4, с. 151]. И далее в письме сообщалась острая необходимость отделить не личное от общественного, но философские расхождения и драку по ним от работы фракции в печатном органе партии! Буквально сказано писателю с просьбой о помощи именно в этом тонком деле: «Я говорю: отделить драку от фракции. Конечно, на живых людях это отделение сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи. Тут помогут практики, тут должны помочь Вы, - тут «психология», Вам и книги в руки» [4, с. 152].

Интересно, что разрыв с Г.В. Плехановым проявил стиль политики и мышления нового вождя. Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец в книге «Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры» пишут: «Ленин никогда не грешил склонностью к поклонению тем или иным идеям самим по себе, в отрыве от практики. Скорее, стиль его политического поведения, впервые столь ярко проявившегося в конфликте с Плехановым, можно охарактеризовать как своего рода абсолютизацию текущего момента. Все что в данной конкретной ситуации работало для пользы дела - ставилось во главу угла и превращалось в непререкаемую аксиому. Все что мешало - отбрасывалось. Именно так и был отброшен патриарх российской социал-демократии, который, как понял Ленин, уже не мог действовать адекватно складывавшейся внутренней и международной повестке» [5, с. 45].

Интересно, что современные авторы таким парадоксальным способом подводят итоги 30-летия Ленина и далее «отмечают» его 40-летие. Они пишут в главе названной - «1910: «Он даже во сне видит революцию»: В год 40-летия Ленина в России ничего особенно выдающегося не произошло, никаких новых всплесков революционной активности не предвиделось. А жизни на чужбине исполнилось уже 10 лет. Открылись новые места и европейские страны, в окружении появились новые лица - Лев Троцкий и Иосиф Сталин, Лев Каменев и Григорий Зиновьев, Анатолий Луначарский и Николай Бухарин, Александр Богданов и Алексей Рыков, Максим Горький и Александр Воронский, которые вскоре стали советской элитой» [5, с. 45].

Трудности В.И. Ленина в этот период были в том, что он один против всех и это было ни на что не похоже: «По разным свидетельствам, он был «страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом». И это особенно выводило их из себя. На заседаниях русской секции во время дебатов с Лениным можно было услышать: «один против всех, ни на что не похоже», «он губит партию», «какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер». И когда одна старая партийная дама сказала Федору Дану, наиболее активному автору подобных выражений, о том, как же это так выходит, что один человек «может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы», он со злобой и раздражением ответил буквально следующее: «Да потому что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним» [5, с. 51-52].

Находясь в одиночестве и борьбе против всех, он ... любил и почитал своих противников. Супруга свидетельствует: «Не только Плеханова любил Владимир Ильич, но и Засулич, и Аксельрода. «Вот ты увидишь Веру Ивановну, это кристально чистый человек», — сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен. ореолом окружал он долгое время и Аксельрода.

Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил «что»), просил спросить по телефону про него Каменева и внимательно выслушал рассказ. Когда я рассказала ему про А.М. Калмыкову и после этого он спросил «что», я уже знала, что он спрашивал про Потресова. Я ему рассказала и спросила: «Узнать подробнее?» Он отрицательно покачал головой. «Вот, говорят, и Мартов тоже умирает», — говорил мне Владимир Ильич незадолго до того момента, как у него пропала речь. И что-то мягкое звучало в его словах» [1, с. 461].

Личная привязанность и политическая позиция постоянно были в остром противоречии: «Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он

рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.

Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы невероятно тяжёлыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность — в настоящем, глубоком смысле этого слова, — честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она даётся не легко» [1, с. 461–462].

Другое замечание современницы и свидетельницы всех событий также поражает читателя: «У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека. Помню двухнедельный «роман» с Натансоном, который поразил его своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне. Особенно вцеплялся Владимир Ильич в приезжих из России. И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развёртывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, её постановке, во всём их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей её сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают» [1, с. 462].

Насмотревшаяся на зарубежных двоедушных политических филистеров, говорящих на митингах одно, а в парламенте - другое, живущих дома как дюжинные буржуа, супруга показывает, что к Ильичу эти мерки были совершенно неприменимы: «Меньше всего был Ильич, с его пониманием жизни и людей, с его страстным отношением ко всему, тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают: образцовый семьянин — жена, деточки, карточки семейных на столе, книга, ваточный халат, мурлыкающий котёнок на коленях, а кругом барская «обстановочка», в которой Ильич «отдыхает» от общественной жизни. Каждый шаг Владимира Ильича пропускают через призму какой-то филистерской сентиментальности. Лучше бы поменьше на эти темы писать.

Владимир Ильич ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым» [1, с. 462]. Интересно описана далее русская версия мещанства — это пересуды и сплетни: «Когда мы жили в ссылке, Владимир Ильич не раз говорил об этом. Он говорил о необходимости тщательно отгораживаться от всяких ссыльных историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтении в чужих сердцах, праздного любопытства. Это — засасывающее мещанство, обывательщина.

В Лондоне в 1902 г. у Владимира Ильича был очень резкий конфликт с частью редакции «Искры», которая хотела судить одного товарища за его якобы неблагоприятный поступок в ссылке. Разбирательство, естественно, было связано с грубым вмешательством в его личную жизнь. Владимир Ильич резко протестовал против этого, наотрез отказался от участия в этом безобразии, как он выражался. Его потом обвиняли в отсутствии чуткости... Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением именно настоящей чуткости» [1, с. 462–463].

Но интерес к жизни у него был на первом плане и там, где это было необходимо для понимания чужой общественной жизни, предпринимались усилия и проявлялся неподдельный интерес. Мы видим в этом прообраз знаменитых «ходов» к вождю: «В Шуше, например, крестьянин 2 часа рассказывал ему, как он поссорился со своими за то, что те не угостили его на свадьбе. Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью. Всегда органическая какая-то связь с жизнью» [6, с. 608]. Такой крестьянин становился после беседы своим! Но прежде, чем люди пошли к нему, он сам отправился в народ!

В речи на траурном заседании II Всесоюзного Съезда советов 26 января 1924 г. Н.К. Крупская вспоминала: «Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он

у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне. В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это — тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семьянниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: «Тут,— говорит,— в городе мне все трудно объяснить, пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают».

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы» [6, с. 590-591].

В заключение этого, пожалуй, самого трудного, самого важного выступления через пять дней после кончины вождя она сказала самое важное: «Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича» [6, с. 591].

Список источников

1. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.: ИПЛ, 3 изд. 1989. — 494 с.
2. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М.: Партиздат, 1933. — 359 с.
3. Володин А.И. Бой абсолютно неизбежен. Ист.-философ. очерки о кн. В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" М.: ИПЛ, 1982. — 192 с.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1970. т. 47. — 474 с.
5. Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 674 с.
6. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол. Г.Н. Голиков и др. — 2-е изд. — М., Политиздат, 1979 — т. 1. Воспоминания родных. 1979. - 646 с.